

Ася ВОЛОШИНА

Пока пьесы драматурга Аси Волошиной ставят в театрах по всей России (например, Юрий Бутусов!), она сама раздвигает рамки профессии — *дебютирует как перформер в «Ад — это я» Ильи Моцкицкого и собирается «выйти из-под купола театра» в сферу современного искусства.*

4 февраля на Новой сцене Александринского театра сыграли премьеру спектакля «Ад — это я», который поставил Илья Моцкицкий. Вы не просто написали для постановки текст, но и участвовали в репетиционном процессе вместе с артистами.

Примерно год назад Илья предложил написать для него пьесу. Это был идеальный заказ: пьеса могла быть любой — абсолютно авторский проект. Илья поставил только одно условие: чтобы я находилась внутри текста, а значит, и внутри спектакля, — как персонаж или cameo, как автор, как демиург и жертва собственного мира. И, разумеется, по умолчанию было понятно, что пьеса должна быть трагической и смешной максимально. От меня требовалось просто быть собой. Как говорит драматург-персонаж, эта пьеса как сборник стихов, то есть нечто одновременно и целое, и фрагментарное. Не связанные, на первый взгляд, истории — что-то вроде системы зеркал, где мотивы многократно переотражаются. Илья все очень тонко почувствовал и, как мне кажется, создал на этом фундаменте свой мир по тому же принципу, по тем же законам.

Подводя итоги года в «Фейсбуке», вы написали о том, что в 2020 обязательно что-нибудь замутите.

С одной стороны я постоянно твержу всем работодателям, что не хочу выполнять заказы. Мечтаю просто запереться в своей круглой комнате и реализовывать собственные замыслы, от которых уже кости черепа трещат. То есть максимально уходить в текст и редуцировать всю остальную деятельность. Это и правда, и неправда. На самом деле, в перспективе мне хотелось бы, оставаясь в поле текста, выйти из-под купола театра в сферу современного искусства. Помните, где-то у Берроуза: «лучший выход это выход»? Это не про то, что я хотела бы увидеть свой текст не на сцене, а в павильоне на какой-нибудь биеннале (хотя, конечно, хотела бы). Скорей это про пересоздание законов каждый раз. Про то, чтобы — в идеале — каждая пьеса становилась жестом и влияла на реальность. В театре, в драматургии ты можешь преуспеть, если просто делаешь что-то хорошо, развиваешь какую-то тенденцию, производишь качественный продукт. Это мне совершенно неинтересно. В современном искусстве бессмысленно выходить на арену, если ты не предлагаешь миру что-то кардинально новое. Это даже не задача, это просто условие. И там не действуют критерии «плохо» или «хорошо». Важно, насколько та или иная работа, та или иная жизнь художника врезается в действительность, меняет действительность,

оставляет след. Мне хотелось бы превращать и превратить жизнь в художественный акт, а тексты упирать в свою грудную клетку и обращаться в реальность.

Давайте попробуем перевернуть ситуацию: что из современного искусства в последнее время волновало или вдохновляло вас?

Меня каждый день травмируют и мучают какие-то новые грани и измерения нарастающего кошмара. Новые приговоры, новые издевательства, новые свалки отходов, новые жертвы режима, жертвы России. Это, увы, неиссякаемый поток впечатлений. Что же касается художественных воздействий, то осенью я по приглашению Ильи Хржановского и благодаря Любе Аркус посмотрела DAU в лондонской студии Phenomen Films. DAU — это беспрецедентный факт взаимопроникновения, взаимооплодотворения, взаимопожирания реальности и искусства. Демиург создает мир как эксперимент, почти самоустранивается, дает миру обрести гравитацию, забеременеть явью. А потом снимает в этой художественной реальности документальное кино. Почти настолько

же бескрайнее, как жизнь. По-моему, это невероятней невероятного.

Если бы вас попросили прямо сейчас написать манифест Аси Волошиной, каким бы он был?

Если человек создан по образу и подобию Божьему, то его видовой цель — творить миры. Чтобы творить миры, надо, прежде всего, безжалостно творить себя. Создавать, убивать, пересоздавать. Процесс важнее, чем результат, но в каком смысле?

Процесс — это непрерывная трансформация. Промежуточные результаты — это те художественные жесты, акты, факты, тексты, через которые идет ток. Но они не должны быть останками. Ты сам — и есть тот мир, который ты должен в муках или в наслаждение сотворить. Манифест — пафосный жанр.

Как вам кажется, что сейчас происходит с российским театром?

Возможно, мы находимся внутри момента, когда авангард стал мейнстримом? Те тенденции, которые 10–20 лет назад казались и были разрушительными для старого и созидательными для нового, сейчас укоренились, утвердились в том театре, куда ходим мы — продвинутые зрители. Но обязательно нужен новый авангард, потому что только так — рывками — и движется искусство. Но это скорее про завтрашний день, а сегодня...

По-моему, хороший театр сегодня становится лучше. А плохой — хуже. Не смейтесь. Или смейтесь. Происходит некая поляризация. Многие сильные художники разных поколений, которые заявили о себе в нулевые, в начале десятичных, — сейчас довели свои методы и свои театры до кульминации. Между тем, театры, мягко говоря, средние, с каждым годом все больше отвечают на эстетические и смысловые запросы, которые, увы, диктует консервативный поворот. Они тотально теряют связь с современностью.

Над чем вы работаете сейчас?

Мы делаем с режиссером Семеном Александровским проект, а моя новая пьеса «Щиты нищеты» как-то зреет, — хотелось бы в это верить. ©

ЧТОБЫ ТВОРИТЬ
МИРЫ, НАДО
БЕЗ ЖАЛОСТИ
ТВОРИТЬ СЕБЯ

а еще
важно
знать,
что

Прямо сейчас в Петербурге идут четыре спектакля с участием текстов Волошиной: «Лицо Земли» в ТЮЗе, «Оптимистическая трагедия» в Александринском, «Мертвые души Гоголя» в театре на Васильевском и «36 драматических ситуаций» в НДТ. В издательстве журнала «Сеанс» Ася выпустила сборник «Гибнет хор», куда вошли тексты, которые сама драматург называет «пьесами о России». Юрий Бутусов поставил ее пьесу «Человек из рыбы» на сцене МХТ им. Чехова.

Александр КУШНЕР

«Один из лучших лирических поэтов XX века» — так называл Александра Семеновича Иосиф Бродский. Кушнер начал публиковаться в 1960-х, организовал в Ленинграде литературное объединение, а недавно выпустил новую книгу стихов «Посещение».

Вы живете в Петербурге всю жизнь и часто говорите, что родиться здесь — большая удача.

Для поэта — безусловно! Петербург — самый красивый город в России и, возможно, в мире: с ним могут конкурировать только Париж и Венеция. Этот город создан для стихов — иду по улицам и чувствую «голос музыки еле слышный», о котором писала Ахматова. Всю жизнь я прожил в нем: только во время Великой Отечественной войны был с мамой в эвакуации в Сызрани, а мой отец воевал на Ленинградском фронте — слава Богу, вернулся живым. Мне никогда и никуда не хотелось переезжать, ни в Москву, ни за границу. Поэт погружен в родную речь.

Русские поэты и прозаики страдали в эмиграции. И Ходасевич, и Георгий Иванов, и Бунин, и Набоков... Но останься они в Советской России — их загубили бы, как Мандельштама.

Вас не запрещали и печатали, но критика была к вам строга, а порой безжалостна. Почему?

Безжалостна — слишком сильное слово. Но по отношению к моей первой книге критика была, действительно, жестока и несправедлива. На первую маленькую

книгу молодого поэта обрушились комсомольская газета «Смена» и всесоюзный сатирический журнал «Крокодил». Меня обвиняли в «камерности» и «мелкотемье». «Комната», про которую у меня было сказано: «Вставшая дорогам поперек», «Как уеду я? Куда уйду? / Отпуска бывают раз в году», «Графин», «Стакан», «Ваза», «Магнитофон», «Летний сад», «Воздухоплавательный парк» — разве

это достойные предметы и темы для стихов? А где же стихи о пятилетке и великих стройках? Вообще лирика не поощрялась — и понятно почему: она утешает человека, заступает за него, потому что человек для нее дороже великих идей и свершений. И недаром жертвами доклада товарища Жданова в 1946 году стали Ахматова и Зощенко, которых обвиняли ровно в том же.

Один из самых известных поэтов-эмигрантов — ваш друг Иосиф Бродский. Как ему жилось в США?

Ему было нелегко. Впервые после его отъезда (в 1972 году. — Прим. ред.) мы встретились в Америке в 1987 году, он как раз получил Нобелевскую премию. Тогда я сказал ему, что судьба поступила с нами милостиво: я остался в России и не жалею об этом, он уехал и стал нобелевским лауреатом. Иосиф помолчал и сказал: «Не думаю». Он оставил здесь навсегда своих родителей и друзей, нелегко привыкал к новой жизни. Думаю, его ранняя смерть во многом связана с тем, что он надорвал сердце всеми этими испытаниями.

Стихи Александра Кушнера переведены на английский, голландский, итальянский, сербский, каталанский, китайский языки. **Кушнер** — лауреат многих поэтических премий, в том числе **первый лауреат национальной премии «Поэт»**. В конце 1970-х Кушнер организовал в Ленинграде **литературное объединение**, где под его началом молодые поэты совершенствовали свое мастерство. Среди учеников Кушнера **Алексей Пури**н, **Николай Кононов**, **Алексей Машевский**.

Но Иосиф Бродский застал начало 1990-х — время, когда СССР пал и границы открылись. Многие до сих пор задаются вопросом, почему он не приехал хотя бы в качестве гостя?

При том что часто бывал рядом — и в Финляндии, и в Швеции! Мы говорили на эту тему, я даже как-то пошутил, что когда вернется, его будут встречать как Максима Горького, с духовым оркестром. (Смеется.) Но от моего прямого вопроса Иосиф уходил, мялся. Мне кажется, он боялся переступить порог родной квартиры, где умерли его отец и мать. И это по-человечески понятно, хотя Ленинград он любил и писал о нем.

А почему не смог окончательно адаптироваться в эмиграции Сергей Довлатов?

Прозаику нужна родная почва для прозы, для своих сюжетов. Отъезд Довлатова был вынужденным: ему не оставили выбора. В свое время Сергей уехал из Ленинграда в Таллинн, потому что в прибалтийских республиках лояльнее относились к писателям и публиковаться было проще. И вот когда его книга была уже почти готова к изданию, сотрудники КГБ пришли с обыском к его

приятелю, у которого наряду с другим компроматом обнаружили верстку этой самой книги. Ни о какой публикации речь уже не шла. Когда, еще не зная об этом, я приехал к нему в Таллинн из Ленинграда, застал его в слезах! Он плакал, и иного выхода, кроме как уехать, у него не было.

В конце января у вас в Музее Ахматовой прошла презентация новой книги, сборника «Посещение». В чем его особенность и какие стихи в него вошли?

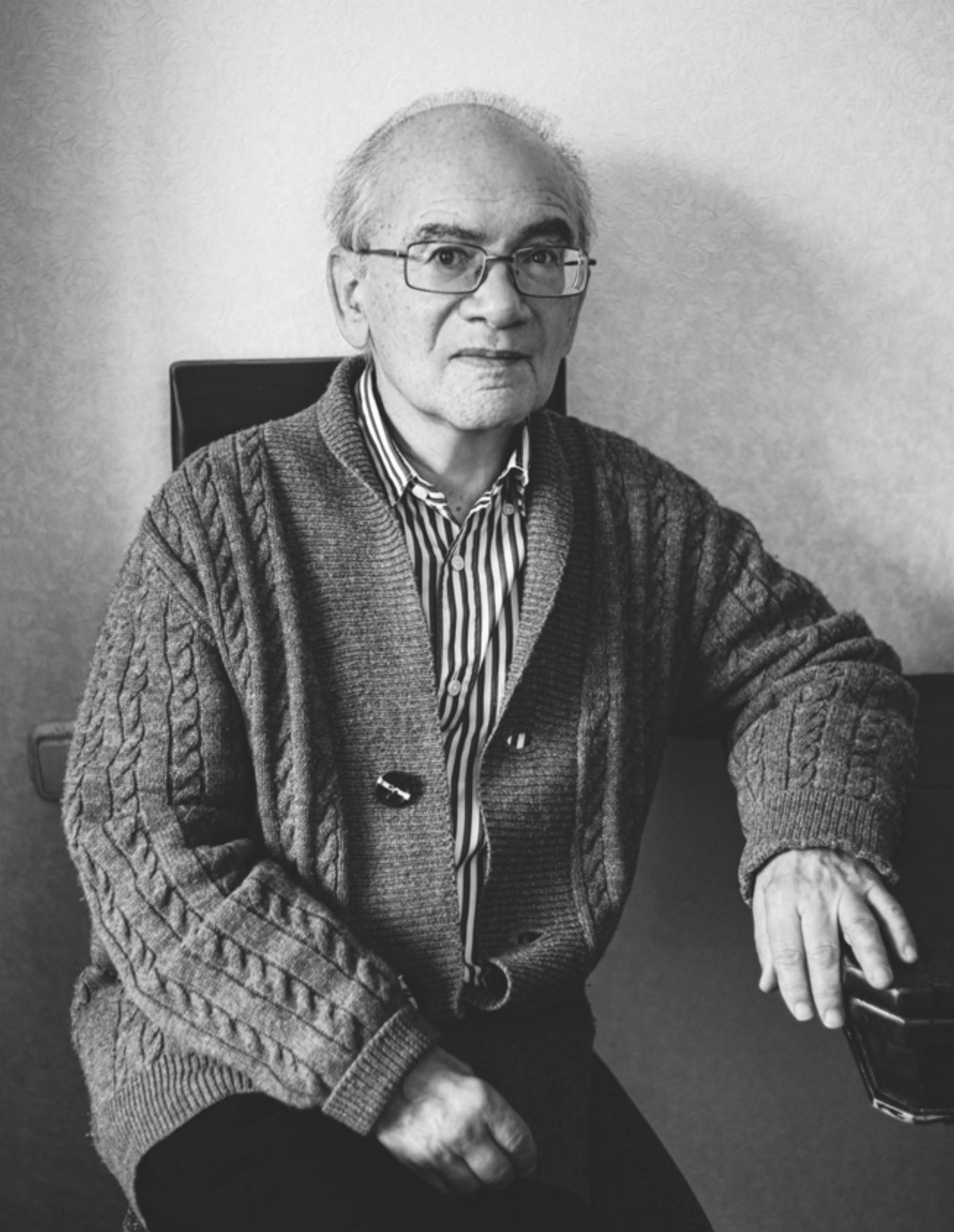
Подобрать название для книги, особенно для книги избранных стихов, — всегда нелегкая задача. У меня уже были книги избранных стихов с названием «Времена не выбирают», «Таврический сад», «Избранные стихи». Нужно было найти новое название. Так родилось «Посещение». Это отсылка к пушкинскому стихотворению «...Вновь я посетил...» и стихотворению Баратынского «Запустение» («Я посетил тебя, пленительная сень...»). Кстати, Пушкин, вполне вероятно, имел в виду Баратынского, написавшего свое стихотворение на несколько лет раньше.

А я люблю их обоих. В «Посещение» вошли стихи из всех моих книг. Назову лишь несколько: «То, что мы зовем душой...», «Конверт какой-то странный, странный...», «Танцует тот, кто не танцует...», «Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки...», «Рай — это место, где Пушкин читает Толстого...», «Дворцовая площадь».

Популярность поэзии в XXI веке снизилась. У этого есть конкретная причина?

У меня есть две версии. Первая очевидная — из-за интернета, потеснившего книгу. Вторая — общий упадок искусства: и живописи, и музыки, и прозы. Уже не примет ли это апокалипсиса? Надеюсь, нет. Тем более что и сегодня у нас в Петербурге есть хорошие, яркие поэты, назову хотя бы Алексея Пурина, Александра Танкова, Давида Раскина, Михаила Яснова, Олега Левитана, а из москвичей — Евгения Рейна, Олега Чухонцева, Олесю Николаеву, Дмитрия Быкова, Юрия Кублановского. Всех не перечислить. А еще в провинции — Олег Клишин, Владислав Шихов, Дмитрий Кантов, Светлана Кекова, Ирина Евса. ©

а еще важно знать, что

Карина АБДУЛКАЮМОВА

Уроженка Казани переехала в Петербург, создала синти-поп-проект «Стереополы», получила респект от Славы КПСС, а недавно выпустила второй сольный альбом.

В русскоязычной музыке последних лет есть тенденция — появляется все больше самобытных девушек-исполнительниц и женских групп. И ты одна из представительниц этого движения. С чем связано его появление?

Женское движение в музыке действительно очень мощное. Девушки устали от сексизма и хотят доказать, что тоже могут многое. Например, про Angel Vox, которая делает инструментальную музыку, постоянно спрашивают: «Кто за этим стоит? Девушка такое написать не может!» По-моему, это глупо и смешно. Моя профессия звукорежиссера тоже почему-то считается «мужской», как и многие другие в этой сфере — Dj, саундпродюсер. Не могу назвать себя феминисткой, но сколько можно?! Такая ситуация вызывает у нас внутренний протест, который находит выражение в творчестве. Девушек-музыкантов будет становиться все больше, уже сейчас self-made артистки — это самостоятельный жанр. Можно выделить ту же Angel Vox, DaKooka, Ishome, Avramova!, «Рукы дочери», Kedr Livansky.

В январе у тебя вышел альбом «Институт культуры и отдыха», записанный в стилистике 1980–1990-х. В чем суть задумки?

Я писала этот альбом в течение полугода, задачи соблюсти какие-то стилевые законы ушедших эпох не было, это вышло случайно. Название тоже не несет какого-то глубинного смысла — это народное имя Казанского института культуры КазГИК, который я окончила.

Мне такая отсылка показалась забавной. Альбом собрал в себе все песни, написанные за последние полтора года — «Президент», «Последнее свидание», «Случай в ДК».

А почему он вышел на аудиокассетах, как в те времена?

Первый релиз был в таком необычном виде, потому что я собираю кассеты моих друзей-музыкантов, плюс дома в Казани у меня большая коллекция русской новой волны, а также постпанка 1990-х: «Петля Нестерова», «Банды Четырех».

Ты записываешь и сводишь музыку одна. Почему и как ты к этому пришла?

Я считаю музыку очень интимным процессом — и изначально работала с песнями одна. Я интроверт, мне тяжело даже позвонить в регистратуру поликлиники, не то что делиться с кем-то музыкальными переживаниями. В моем подходе есть очевидный плюс — изначальная идея доносится до слушателя в первоначальном виде, не проходя чью-то фильтрацию. Конечно, многие скажут, что сотрудничество с приглашенными музыкантами или

звукорежиссерами может улучшить качество записи. Может. Но это уже будут не мои песни.

Многие отмечают мои остроумные тексты, но для меня всегда первична музыка. Вообще не люблю писать тексты, они у меня тяжело идут. Музыку сочинять очень легко, ты не чувствуешь себя голым перед слушателем. А текст тебя раздевает.

Пока ты не зарабатываешь музыкой, но уже знаешь, что будущее связано именно с ней или есть другие варианты?

Я работаю музыкальным редактором в одном из приложений. Устроилась сюда сразу, как переехала в Петербург. Позицию как будто создали под меня: восемь часов подряд слушаю музыку. Еще бы она была всегда хорошей... По сути, занимаюсь тем, чем занимаются редакторы всех стриминговых сервисов: составляю топ-чарты, делаю плейлисты. Хочу избежать пафоса, но да, музыка главная любовь в жизни. Но «главная» не значит «единственная»: я серьезно увлечена кино и театром. Собственно, я училась на факультете кино и телевидения КазГИК, а с театром соприкоснулась, больше трех лет проработав главным

звукорежиссером Молодежного театра на Булаке. Планировала продолжить работать в театре и в Питере, но все сложилось иначе и жаловаться мне грешно: еще раз — я слушаю музыку по восемь часов в день! Также сочиняю на заказ и очень хочу написать саундтрек для кино или театрального спектакля.

Ты явно не скучала в Казани. Как и почему решила на переезд в Петербург?

Я впервые побывала здесь пять лет назад и пообещала себе, что когда-нибудь перееду. Влюбилась в атмосферу города, которой трудно дать определение. Увы, когда ты не восторженный турист, а местный житель, ты перестаешь ее чувствовать, но город в этом не виноват. Вот ты лежишь в хостеле на кровати с клопами или гуляешь по набережной Фонтанки — о, да, вот он, дух Петербурга! Тебе никуда не надо, ты ни от кого не зависишь, ты приехал потусить на пару недель. А когда тебе надо на работу и параллельно придумывать, что приготовить дома, то и город становится частью рутины. Это не упадничество, это просто факт. Но благо у меня отличная работа, и я не унываю.

Ты говорила, что с тобой хотел сделать фит Слава КПСС. Есть ли какие-то подвижки в этом направлении? Может быть, ты сама хотела бы записать с кем-то совместный трек?

Славе я отправила свои демо и жду ответа. Сама бы я не отказалась бы от фита с Stephen Paul Taylor, он мне недавно выразил респект, возможно, предложу ему.

Был ли концерт, поход на который разделил твою жизнь на до и после?

Public Image Ltd. Я до сих пор в восторге от того, что видела живьем Джони Лайдона! Еще один важный факт биографии — первый поход на Placebo в 2012 году. Я все выступление проплакала! Когда пошла на них во второй раз, обошлось без слез, но я упала в обморок. Не от харизмы Брайана Молко, а от жары. В чувство меня приводили какие-то московские ЛГБТ-подростки. ©

а еще важно знать, что

На данный момент у «Стереополы» вышло два сингла, два EP и два полноформатных альбома. В родной Казани Карина окончила музыкальную школу по классу фортепиано. В 2018 году вышел первый клип «Стереополы» на песню «Коммуналка», снятый и смонтированный в домашних условиях.

Родион ШИШКОВ

Бывший вице-президент по инновациям Yota, топ-менеджер «Почты России» и основатель TRA Robotics два года назад с партнером Вячеславом Бочаровым придумал сервис «Самокат» — онлайн-магазин продуктов с экспресс-доставкой (скоро по всей России!).

Простая идея — быстрая доставка продуктов с собственных складов. Но до вас в России никто до нее не додумался.

Мало кто способен оценить потенциал идеи, пока она не реализована. Принцип «Самоката» — иметь не один гигантский распределительный центр, а множество небольших — в IT используют лет десять. Но никто не применял его на физические объекты.

А вам как пришло это в голову?

Мы поспорили с совладельцем УК «Теорема» Игорем Водопьяновым, что даже такой неповоротливый бизнес, как коммерческая недвижимость, можно диджитализировать, чтобы процессы управления базовыми функциями с телефона стали удобнее. Чтобы доказать, что это не хипстерские закидоны, мы сделали простое приложение Smart.space для арендаторов бизнес-центра с кнопками «лампочка перегорела» или «выписать пропуск». И вдруг этим начали активно пользоваться. Тогда мы подумали, а как бы это монетизировать? Тут наш оппонент оказался прав: управляющие компании отвечали что-то вроде «когда все заработает, тогда и приходите» или «дайте подумать два года».

Но ждать — не ваш метод?

Точно. Мы переделали приложение под жилые дома и дело двинулось — ЖКХ все время взаимодействуют с жильцами: собирают показания счетчиков, устраивают голосования. Основные функции мы предложили бесплатно, но встроили дополнительные платные сервисы. Так появился «Магазинчик» — быстрая доставка необходимых вещей: соли, сахара, молока. Мой партнер Вячеслав Бочаров строил сеть «Магнит» и знает про ретейл все. И как только мы поняли систему, матрицу и маркетинг, «Магазинчик» стал «Самокатом».

Вы могли бы назвать себя урбанистами? Ведь вы занимаетесь улучшением качества жизни.

Именно так мы себя и определяем. Мы разрабатываем новый тип инфраструктуры в городской среде. Он про время, про его эффективное использование. Пока мы говорим о продуктах: нажал кнопку — и в холодильнике появились яйца. Но наши амбиции — создание универсальной схемы перемещения всего физического комфортным для потребителя способом. Мы запустим этот сервис в ближайшие пару месяцев и станем самым большим каналом России для дистрибуции всего.

Чем отличается «Самокат» от доставки из магазина?

Заказывая в магазине, клиент платит двойную себестоимость: ту, которую сформировал магазин, разложив продукты в дорогом по аренде помещении, плюс доставка. Наши дарксторы

созданы по другому принципу: они расположены внутри кварталов, меньшего размера, но операционисты не сталкиваются с покупателями и действуют быстрее. Чтобы доставлять за пятнадцать минут, нужно управлять буквально каждой секундой.

Я представила, как среди полок носятся люди с секундомерами.

А они и носятся. Мы все время делаем замеры, проверяем, где теряется время, а где работа максимально эффективна.

А потом на складах людей заменят роботы? Ты поэтому занималась разработками компании TRA Robotics?

В пятилетней перспективе — да, заменят. Но другого типа. Роботы, которые производит компания TRA Robotics, сложнее. Можно сказать, они обладают чем-то вроде интеллекта. А появились они в результате того, что я думал, как соединить две интересующие меня сферы — технологии и производство. Получились роботы! Когда я размышлял, к чему они могут эффективно прикладываться, вспомнил, что мой близкий друг Денис Свердлов проектирует электрические автомобили. Я предложил производить их самонастраивающимися роботами,

которые выполняют не одну, а множество операций, подготовил проект и передал его Денису, оставшись в роли консультанта и акционера. В мире бизнеса невозможно передать идею. Ты должен ее реализовать: тогда у нее появляется ценность, а потом она превращается в явление.

Чем вы отличаетесь от конкурентов, которые сейчас активно выходят на рынок?

Не продуктами — ассортимент сетей в России пересекается на 95 %. Наш сервис — не

просто кнопка, а комьюнити. Мы управляем приложением до уровня отношений с конкретным пользователем. Но наша главная сила в том, что мы придумываем, а не копируем, как остальные. Если нам удастся сохранить скорость, то мы выиграем, потому что у нас всегда будет следующее решение.

Есть общий знаменатель у роботов и «Самоката»?

Я бы так ответил: люблю заниматься всем, что непонятно.

Я могу долго делать то, во что никто вообще не верит.

Как характер исследователя сочетается с бизнесом?

Одна из самых больших удач в моей жизни, что лет в двенадцать я оказался в компании друзей моего старшего брата Кирилла Шишкова. Для меня было настолько естественно, что все они занимались бизнесом, что другой деятельности я себе не представлял. Закончил Финэк, стал экономистом. Но самое главное, что родители и брат никогда не мешали мне идти туда, куда я хочу, и всегда поддерживали в том, что я сам для себя выбирал.

Чем занимаются родители?

В прошлом — советские инженеры, ныне пенсионеры. Мама выбрала для себя путь самопознания, учится всему: танцам, хоровому пению, истории города. Отец был предпринимателем, а сейчас обожает ходить на своей маленькой лодочке по речкам и морям. Именно так я хотел бы воспитать своих детей — их у меня трое: передать им любопытство, необходимость искать. Я верю, что у человека есть возможность найти лучшего себя. Не стать идеальным или великим, а экспериментировать и эволюционировать. ©

МЫ ПРИДУМЫВАЕМ, А НЕ КОПИРУЕМ, И ЭТО НАША СИЛА

а еще важно знать, что

Сервис бесплатной пятнадцатиминутной доставки продуктов «Самокат» запустили в 2018 году в Петербурге, весной 2019 года он вышел на московский рынок. Совладельцами «Самоката» помимо Родиона Шишкова и Вячеслава Бочарова стали группа компаний «ПИК», Илья Осколков-Ценципер и Кирилл Шишков, старший брат Родиона — совладелец УК «Теорема», участник списка сотни миллиардеров по версии газеты «Деловой Петербург».

